

своеволия, и как осознанного служения Правде — одна из основных, достаточно вспомнить Ф. М. Достоевского.

Так понимаемая мифологема Империи и является одним из важнейших оснований петербургского текста русской литературы. Он вобрал в себя очень многие важнейшие ее черты, конечно, видоизменив их соответственно своему материалу. Одной из основных новаций было существенное изменение акцентов. Для имперской культуры в чистом, так сказать адекватном, виде, в ее приближающемся к ноуменальному уровню феноменальном состоянии ведущими оказываются добро, преображение, спасение. Злое же и темное начало — скорее вторично, оно ощутимо, но периферийно. В петербургском тексте, в котором можно видеть инобытие имперского сознания, его жизнь во-вне, в ином словесном оформлении, главными становятся темы гибели и разрушения, во всяком случае угрозы; спасение — точнее не само даже спасение, а надежда на него — лишь аккомпанемент.

И все же при всех модификациях имперской идеи петербургский текст русской литературы вырастает отчасти (а возможно — и именно) на ее почве. Но тут сразу же возникает вопрос: а почему Петербург, а не, скажем, Москва, породил данный текст — ведь имперское начало в Москве как феномене национальной жизни, казалось бы, не менее ощутимо? В конце концов, национальное выражение мифологемы Империи — теория «Москва — третий Рим» возникла именно там. Но Москва своего текста (не темы или дискурса, а именно **текста**) все-таки не породила. И попытки авторов сборника «Москва и „московский текст” русской культуры» (М., 1998) убедить читателей в обратном, при всем их московском пафосе, вряд ли достигают цели. Петербургский текст остается в русской культуре уникальным.

Дело в том, что Петербургский текст — не просто воплощение мифологемы Империи в словесной материи русского духовного бытия. Он предполагает особое напряжение той двуполярности, того антиномичного состояния, которое представляет собой имперское сознание, напряжение, переводящее это сознание в некоторых отношениях в другое качество. Для возникновения такого напряжения требовались условия совершенно исключительного порядка. В Москве их не было, в Петербурге же — были.

Имперское сознание на Руси, а затем и в России неразрывно сопряжено с идеей Рима. Рим — это и есть Империя, преобразующая весь мир. Недаром слова «Рим» и «мир» в русском языке разделены обратным подобием: прочитав «мир» справа налево, получим «Рим», и наоборот. Такое далеко ведущее созвучие прекрасно осознавалось русским человеком. В послании Михаилу (Мисюрю) Григорьевичу Мунехину, озаглавленном «Послание о злых днехъ и часъхъ» (где и была выражена идея «Москва — третий Рим»), старец Филофей замечает: «Многажды и апостол Павел поминает